

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
Г80

Грекулов, Ефим Федорович.
Г80 Церковь и государство. Две головы власти в России / Ефим Грекулов. — Москва : Алгоритм, 2017. — 224 с. — (Левиафан).

ISBN 978-5-906947-58-1

Ефим Федорович Грекулов, известный историк, пишет в своей книге о союзе церкви и государства в России. Перед читателем предстанут такие знакомые исторические персонажи, как князь Владимир, креститель Руси, монах Филофей, создавший теорию «Москва — третий Рим», Иван Грозный, «православный царь», патриарх Никон, проведший свою знаменитую реформу, Петр I, упразднивший патриаршество в России и полностью подчинивший церковь государству, Николай I, при котором утвердилась идеология «православие, самодержавие, народность».

Вместе с тем в книге разбирается, как отражался этот союз светской и духовной власти на положении народа, а также о народных движениях против церкви. Наконец, здесь же показана позиция образованных слоев русского общества, непростые отношения М.В. Ломоносова, А.С. Пушкина и других видных представителей русской интеллигенции с церковными властями.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-906947-58-1

© Грекулов Е.Ф., правообладатели, 2017
© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Массово-политическое издание

ЛЕВИАФАН

Грекулов Ефим Федорович
ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО
ДВЕ ГОЛОВЫ ВЛАСТИ В РОССИИ

Редактор *О. Селин*
Художник *Б. Протопопов*

ООО «Алгоритм»

Оптовая торговля:
ТД «Алгоритм» +7 (495) 617-0825, 617-0952
Сайт: <http://www.algorithm-izdat.ru>
Электронная почта: algorithm-kniga@mail.ru

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 12.04.2017.
Формат 84x108^{1/32}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,76.
Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-906947-58-1

9 785906 947581 >

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 1. ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО В РОССИИ

«Церковные мятежники»	6
Монастырские тюрьмы	25
Отлучение и анафема	47
Религиозная нетерпимость	57
Гонения на просвещение и науку	85
Приложение к 1-й части	106

Часть 2. НРАВЫ РУССКОГО ДУХОВЕНСТВА

Состав древнерусского духовенства	133
«Носительница культуры и просвещения»	144
«Безмерное упивание»	152
«Блудное объядение»	171
«Плотское похотение»	178
«Содомская пагуба»	182
«Особые стяжания»	187
Ростовщики от духовенства	195
Нравы духовенства в XVIII веке	199
Приложение к 2-й части	208

Часть 1

ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО В РОССИИ

(из книги Е.Ф. Грекулова
«Православная инквизиция в России»)

«ЦЕРКОВНЫЕ МЯТЕЖНИКИ»

...Уже в XI в. князья и их суды сурово расправлялись с противниками церкви. Как отмечает летопись, еще при князе Владимире епископы благословляли князей на применение казни. «Ты поставлен от бога на казнь злым, а добрым на помилование», — говорили они. В 1004 г. монаха Адриана обвинили в нарушении церковных уставов и в хулении церкви. По распоряжению митрополита Леонтия Адриан был отлучен от церкви и заточен в монастырскую тюрьму. Новгородского архиерея Луку Жидяту, жившего в XI в., летописец называет «звероядивым». От жестокости этого епископа, от «заточения и грабления» пострадало много людей. «Сей мучитель, — говорит летописец, — резал головы и бороды, выжигал глаза, урезал язык, иных распинал и подвергал мучениям». Так же сурово расправлялся Лука с принадлежавшими ему крестьянами. Холопу Дудики, не угодившему чем-то своему феодалу, по приказанию Луки Жидяты отрезали нос и обе руки [1].

В XII в. «немилостивым мучителем» был владимирский епископ Федор. Он лишал своих противников сел, одних обращал в рабство, других заключал в тюрьмы, рубил им головы, выжигал глаза, резал языки, распинал на стенах. В рассказе летописца отразилась борьба, которую вели между собой церковники за власть. Владимирский епископ

как крупный феодал отказывался признавать власть киевского митрополита. Обвинив своих противников в еретичестве, он через свой суд приговорил их к смертной казни, добился конфискации их имущества, а многих заключил в тюрьмы. В борьбе с киевским митрополитом Федор потерпел поражение, и его выдали на суд митрополиту. Митрополичий суд в свою очередь обвинил Федора в еретичестве и подверг жестокому наказанию: ему отрезали язык, затем отсекали правую руку и «вынули очи», т.е. ослепили.

Инквизиционные меры воздействия на еретиков применяли и церковные соборы — собрания видных представителей церкви, имевших большое влияние на церковные дела и светскую власть. Церковные соборы осуждали своих противников как врагов церкви — еретиков и требовали от светской власти беспрекословного исполнения соборных решений, оставляя за собой право контролировать исполнение приговоров.

Особенно жестоко расправлялись соборы с церковными врагами в XIV-XVII вв., но и в более ранний период ослушников церкви ждала не менее суровая кара. В 1123 г. по приговору Киевского церковного собора заточили в тюрьму как «злого еретика» какого-то Дмитрия. В 1157 г. тот же церковный собор осудил другого еретика, Мартина. Учение Мартина, направленное против господствующей церкви, привлекло на его сторону, как рассказывает об этом летопись, много простого народа и вызвало широкое общественное движение против православной церкви. По приговору собора Мартин был сожжен.

Не только русские князья признавали за церковными иерархами право уничтожать противников «злою казнью». Это же право признавалось и монгольскими завоевателями. Так, по ярлыку хана Менгу Темира митрополиту Кириллу было предоставлено право наказывать смертью за хулу на православную церковь и за нарушение церковных привилегий.

* * *

Во второй половине XIV в. в Новгороде возникло движение, известное под именем ереси стригольников. Стригольники выступали против епископов, их поборов и стяжательства; они отрицали некоторые догматы и обряды, связанные со смертью человека, необходимость исповеди и причастия, говорили, что их молитвы неуютны богу и что напрасно жертвовать им земли «на помин души». В критике церковных догматов и обрядов были элементы рационализма. Во главе ереси стояли рядовые люди, а также дьячество, т.е. низший слой духовенства.

Господствующая церковь сурово осудила новую ересь, как направленную против церкви. Ересь называли «прямой затеей сатаны», а ее участников — «злокозненными хулителем церкви», «развратителями христианской веры». Новгородские епископы настояли на том, чтобы руководителей ереси — дьякона Никиту, ремесленника Карпа и др. сбросили в 1375 г. в реку Волхов. Затем стали вылавливать и казнить остальных участников движения в Новгороде и Пскове. Физическое уничтожение еретиков одобрил и московский митрополит Фотий. В посланиях 1416-1425 гг. он благодарил псковичей за расправу над еретиками. Он советовал им применять все средства уничтожения, однако без пролития крови, во имя «спасения души» казненных. Послушные псковичи последовали советам инквизитора. Они переловили, обыскали и казнили многих еретиков [2].

В XV в. широкое развитие получило новое движение — новгородско-московская ересь. Странники этого движения требовали уничтожения церковного землевладения, отмены исповеди, не верили в воскресение мертвых. Они отрицали внешнюю обрядность и основные догматы православной церкви, например догмат о троице, не признавали икон.

Они выступали также против церковной знати, осуждая ее стяжательство. Для борьбы с ересью в 1490 г. был созван церковный собор, на котором присутствовали самые воинствующие представители церкви. Собор отлучил от церкви и предал проклятию участников этого движения и потребовал от царской власти их смерти. Проповедуя необходимость жестокой казни еретиков, духовные власти руководствовались в своей практике Кормчей книгой, являвшейся переводом византийского Номоканона (свод правил византийских императоров, касающихся церкви и церковных дел). В главах 31-33 «градского» закона, вошедшего в состав Кормчей, были положения, которым в течение многих столетий следовали духовные власти: «Аще жидовин, христианина раба имый, и обрежет его, да отсекут ему голову; аще жидовин или агарянин дерзнет развратити от христианской веры христианина, главней повинен казни, иже сподобився святого крещения и еретичествует и еллинствует, конечной муце повинен есть» [3].

С требованием смерти еретиков обратился к царю Ивану III и новгородский архиепископ Геннадий Гонзов, прозванный современниками «кровожадным устрашителем преступников против церкви». Геннадий был в восторге от испанских инквизиторов, особенно от его современника Торквемады, который за 15 лет своей инквизиторской деятельности сжег на кострах и предал различным наказаниям многие тысячи человек. Настаивая на казни еретиков, Геннадий писал в 1490 г. московскому митрополиту Зосиме: «Смотри, франки по своей вере какую крепость держат! Сказывал мне при проезде через Новгород посол цесарский про шпанского короля, как он свою землю очистил, и я с тех речей и список тебе послал» [4].

Геннадий советовал митрополиту Зосиме поставить деятельность «шпанского короля» Фердинанда и испанских инквизиторов в пример Ивану III. Но еретики своей

агитацией против церковного землевладения и церковной знати облегчали Ивану III борьбу за ликвидацию крупного церковного землевладения, которую он вел в интересах светских феодалов и служилых людей. Поэтому он ограничился лишь наказанием еретиков. Их били кнутом, а затем отослали к новгородскому епископу для осуждения церковным собором. Осудив еретиков и предав их проклятию, Геннадий, по примеру полюбившихся ему католических инквизиторов, устроил еретикам позорный въезд в Новгород. За 40 километров от города их посадили в шутовской одежде на коней «хребтом к глазам конским», т.е. задом наперед, на головы им надели берестяные шлемы с надписью «Се есть сатанино воинство» и в таком виде возили по городу. Городские жители обязаны были плевать на еретиков и говорить: «Это враги божьи и христианские хулители». В заключение на их головах были сожжены берестяные шлемы. Некоторых еретиков, как рассказывает летопись, по требованию Геннадия сожгли на Духовском поле, а других он послал в заточение [5].

* * *

После разгрома новгородского антицерковного движения его центр перешел в Москву. Во главе этого движения стали Федор и Иван Курицыны. Они выступали против монашества, критиковали «творения» отцов церкви, но не посягали на основы христианства. Суровым и непримиримым гонителем этого движения был игумен Волоколамского монастыря Иосиф Санин (Волоцкий). Он был представителем воинствующей церкви, сторонником сильной светской власти, создателем теории божественного происхождения царской власти. Подобно новгородскому архиепископу Геннадию, Иосиф хорошо знал практику испанской инквизиции, восхищался ее деятельностью по борьбе с ересями и пытался перенести на русскую почву теорию и методы ее борьбы.

Иосиф обрушил на еретиков немало богословско-полемических «Слов», написанных в злобно воинствующем духе. В них много общего с писаниями францисканских монахов, боровшихся в XIII в. с ересью альбигойцев. Настаивая на казни еретиков, Иосиф доказывал, что даже те из них, которые, убоявшись смерти, покаются, не заслуживают помилования и прощения. В «огненных казнях» и тюрьмах Иосиф видел «ревность» к православной вере. Он проповедовал, будто руками палачей казнит еретиков сам «святой дух». Убеждая царя в необходимости физического уничтожения еретиков, Иосиф говорил, что «грешника или еретика руками убить или молитвой едино есть» и что казнить еретика — значит «руку освятить». Иосиф призывал всех «истинных христиан» «испытывать и искоренять лукавство еретическое» и грозил строгим наказанием тем, кто «не свидетельствовал», т.е. не доносил, на еретиков. Вслед за католическими инквизиторами Иосиф учил, что в борьбе с еретиками допустимы все средства — обман, хитрость, ложь, предательство. Одно лишь сомнение в законности сожжения противников церкви этот инквизитор считал «неправославным». Необходимость суровых мер против еретиков Иосиф подтверждал примерами из ветхозаветной истории. Он ссылался также на примеры из жизни представителей церкви, например Льва Катежского, который якобы одной своей епитрахильей сжег еретика Лиодора. Иосиф обращался также к «градским» законам, вошедшим в состав Кормчей книги, которые предписывали карать смертной казнью за переход из православия в другую религию. Жестокие «градские» законы, преследовавшие свободу совести, Иосиф называл «божественным писанием», подобным так называемым пророческим и апостольским книгам. Одобрив и освятив церковным авторитетом эти инквизиторские законы, духовные власти постоянно пользовались ими в борьбе с антицерковным движением.

Московских еретиков судил церковный собор 1504 г. По настоянию собора наиболее активных еретиков — Ивана Волка, Михаила Коноплева и Ивана Максимова сожгли в клетке в Москве, а Некраса Рукавова — в Новгороде, предварительно отрезав ему язык. Духовные инквизиторы во главе с митрополитом Симоном настояли еще на сожжении юрьевского архимандрита Кассиана. Его брат Иван Черный бежал «в немцы».

Кровавый террор против участников антицерковного движения на этом не закончился. Иосиф продолжал выискивать их и предавать их суровому наказанию. Уступая Иосифу, царь Василий Иванович, как сообщает летопись, велел оставшихся еретиков «в темницы вметати до конца живота их».

После расправы с еретиками на соборе 1504 г. Иосиф стал знаменем воинствующей церкви — «презлых иосифлян», боровшихся с участниками антицерковного движения посредством духовного и светского меча. За заслуги перед светской властью и церковью Иосиф в 1591 г. был объявлен общерусским «святым».

* * *

После Иосифа во главе церковников, настаивавших на казнях противников церкви, стал московский митрополит Даниил. Пытаясь теоретически обосновать необходимость таких казней, Даниил в своих проповедях приводил слова Иоанна Златоуста, оправдывавшего казнь «по воле божьего человеколюбия», а также епископа Емесского Евсевия, учившего, что «убийство бога ради несть убийство».

В обоснование своих взглядов Даниил ссылался и на блаженного Федорита, говорившего, что и Моисей велел убивать лжепророков. Даниил предлагал сеять вражду и раздоры среди противников церкви — «богonaученное коварство», чтобы с ними легче было разделаться.

Участников антицерковного движения Даниила называли «хулиателями имени божьего». Он доказывал, что еретики — враги не только церкви, но и государства. Запрещая общение с еретиками, Даниил старался вызвать к ним чувство «совершенной ненависти». Он убеждал правящие классы «воззреть против врагов божьих» (так он называл сторонников антицерковного движения) «божественной ревностью и проявлять к ним праведную ярость» [6]. Он подчеркивал также, что право судить еретиков и приносить им суровые наказания принадлежит церковной власти. Обязанность же светской власти — беспрекословно выполнять решения церковных соборов и церковных иерархов [7].

Церковь обрушила свой меч и на так называемых нестяжателей Максима Грека и Вассиана Патрикеева. Максим Грек раньше сам выступал за смертную казнь еретикам. Так, он умолял церковный собор предать смертной казни Исаака Жидовина, смутившего, по его словам, Христову паству [8]. Но он был противником церковного землевладения и беспощадной эксплуатации трудившихся на церковно-монастырских землях крестьян. Вассиан Патрикеев, стоявший во главе боярской оппозиции, также обличал стяжательство монастырей, ибо владение землей, по его словам, развращает монахов, заражает их «ненасытным сребролюбием». В своих произведениях Вассиан писал об эксплуатации монастырских крестьян, которые, по его словам, жили в последней нищете.

Вассиан и Максим Грек критиковали крепостнический быт церковных вотчин и стремились склонить великого князя к отчуждению церковных и монастырских земель, что и вызвало ненависть к ним церковных иерархов. Максим Грек предстал перед церковным собором в 1525 г. Его признали «злохулительным еретиком» и заключили в тюрьму Волоколамского монастыря. Максиму Греку

запретили писать, мучили голодом, морозом и, как отмечает один источник, он «от дыма и от горести темничные был яко мертв». В таких условиях Максим пробыл шесть лет. В 1531 г. он был привезен в оковах в Москву и предстал перед судом нового церковного собора. Здесь в его сочинениях нашли «хулу на господа бога и богородицу» и обвинили в том, что он составлял «писания хульные и еретические», критиковал церковные уставы и законы, что он еретик и чернокнижник. Церковный собор осудил Максима как «хульника и Священного писания тлителя» и сослал в оковах в Тверской Отрочь монастырь, где его заточили в каменный мешок.

В ереси обвинили и помощников Максима по исправлению книг — Михаила Медоварцева и Сильвана. Медоварцев был сослан в Коломну, а Сильван в Волоколамский монастырь, где его «уморили дымом». На этом же соборе еретиком был объявлен «князь-инок» Вассиан, противник церковного землевладения. Он также попал в каменный мешок Волоколамского монастыря и в «прегорчайшей темнице» умер от голода и дыма. Сделано это было по приказу митрополита Даниила.

Вскоре в руках инквизиторов оказался игумен Троицкого монастыря Артемий — противник церковной знати и церковного землевладения. Он писал об этом царю и умолял его в интересах самой церкви отобрать ее имения. Артемия судил церковный собор 1553 г. Его обвинили в ереси и сослали в Соловецкий монастырь с предписанием «пробывать ему внутри монастыря с великой крепостью, в келье молчательной».

На церковном соборе 1554 г. как «безбожного еретика и отступника православной веры» осудили Матвея Башкина. Он считал, что рабство несовместимо с принципами истинного христианства, и говорил о необходимости уничтожить холопство, так как «Христос всех братией нарицает»

[9]. Башкин подверг критике церковные каноны и догмы: отрицал божественное происхождение Иисуса, не признавал «угодников» и поклонения иконам.

Башкина подвергли пыткам и заставили признаться в еретичестве. Как передают некоторые источники, по приговору церковного собора Башкина посадили в деревянную клетку и сожгли. Его сторонники были разосланы по монастырям в строгое заключение [10].

Не прошло и года, как вновь собрались церковные иерархи. На этот раз они судили Феодосия Косого, выдающегося идеолога социальных низов середины XVI в. Феодосий Косой учил, что не следует повиноваться попам и властям, он призывал на борьбу за уничтожение церковного и светского гнета и коренное переустройство общества. Церковный собор приговорил Феодосия к тяжкому наказанию, но ему удалось вырваться из цепких лап инквизиторов и бежать в Литву.

Кровавый террор по отношению к еретикам и другим противникам церкви получил широкое распространение и нашел отражение в народном творчестве. В былинах о Добрыне Никитиче рассказывается, например, как он «учил» жену свою Марию Игнатьевну — еретичку, безбожницу: «Сперва отсек руки и ноги, а затем голову. И этот язык не надобен, Знал он дела еретические» [11].

* * *

По мере того как ограничивались права церкви, обязанность бороться с ересями принимала на себя государственная власть, осуждение же церковных противников по-прежнему производилось иерархами церкви. При содействии и по настоянию московских митрополитов Даниила и Макария «церковные мятежники» стали рассматриваться как государственные преступники. На борьбу с «обидящими церковь» государство ополчилось в контакте с пред-

ставителями церкви. На Стоглавом соборе 1551 г. епископы просили царя строго наказывать еретиков «градским» судом. Просьба церковных иерархов была выполнена. Царем был издан указ «о великой царской опале на еретиков по градским законам, а от святителей духовным запрещением» [12]. Наказание по делам об еретичестве по-прежнему устанавливалось церковным судом, светские же суды были их исполнителями. Г. К. Котошихин, живший в XVII в. и известный своим сочинением «О России в царствование Алексея Михайловича», так рассказывает о существовавшей в XVII в. системе террора по отношению к церковным противникам: «...а кого у них (т. е. в судах патриарха и церковных властей. — Е. Г.) за духовные дела... осудят на смерть, кто какую заслужил, и они, из дела выписав приговор свой, посылают с теми осужденными людьми в царский суд, и по тому их приговору из царского суда велят казнить без задержания, кто чего достоин». пытки обвиняемых также производились по требованию духовных властей [13].

Требования кровавой расправы над церковными противниками отразились и на законодательстве XVII в. В Соборном уложении 1649 г. критика церкви и ее догматов рассматривалась как богохульство и каралась сожжением на костре. Так же наказывались «без всякого милосердия» и другие выступления против религии и церкви — переход в «басурманскую» веру, святотатство и др. По свидетельству иностранца Петрея, врагов церкви, «святотатцев», сажали на кол, после смерти тело снимали с кола, выносили за городские ворота и сжигали, а пепел засыпали землей [14]. По указу 1684 г. смертной казни через сожжение предавались еретики, которые «отшатнулись от церкви и чинят соблазн и мятеж», а также «перекрещенцы».

Церковники уверяли, будто начиная с Петра I в России признавалась свобода совести. В доказательство они при-

водили слова Петра из указа от 16 апреля 1702 г.; царь-де не желает приневоливать совесть человеческую и предоставляет каждому христианину на его ответственность «пещись о блаженстве своей души»; никакому государю не позволено оную силой в другую веру «принуживать» [15]. В действительности было не так. И в петровских законах отразилась непримиримая вражда церкви к ее противникам. Выступление против господствующей церкви, критика ее догматов и обрядов рассматривались как «богохуление». «Хулители веры, — говорил Петр, — наносят стыд государству и не должны быть терпимы, поелику подрывают основание законов». Виновым выжигали язык раскаленным железом, а затем их предавали смерти. В «Воинских артикулах» было записано, что смертью наказывались также и те, кто не доносил на еретиков, ибо они считались «причастниками богохуления» [16].

Нетерпимость церкви и царской власти к церковным противникам в петровский период ярко проявилась в деле переписчика книг Григория Талицкого (1701 г.). Талицкий отличался начитанностью и хорошо разбирался в богословских вопросах. Выражая взгляды людей, отрицательно относившихся к петровским реформам, Талицкий проповедовал, что в лице Петра появился антихрист и что наступает конец мира. Он резко критиковал деятельность Петра, призывал народ не платить податей, не выполнять государственных повинностей, стремился поднять восстание против Петра. Свои взгляды Талицкий изложил в «тетрадках», которые раздавал народу. Церковный певчий Федор Казанец донес на Талицкого, и по этому доносу Талицкого арестовали. При обыске у него были найдены доски с текстом его обращения к народу. В этом обращении он критиковал также и православную церковь, говорил о близкой кончине мира и возмущал народ против Петра и его реформ. Талицкого подвергли пыткам. Не стерпев их,